

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (117997, Россия, г. Москва, Профсоюзная ул., 23; k.zuhrabvi@gmail.com)

О ПЕРЕОЦЕНКЕ ИДЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить и проанализировать тенденции и процессы трансформации базовых ценностей, идей, установок, принципов политической демократии на Западе в условиях глобализации и информационно-телекоммуникационной революции. Автор прослеживает исторические корни, сложный и трудный путь ее формирования и институционализации в узкой группе стран Запада, демократия рассматривается как великое достижение на пути прогресса западного человечества. Главное внимание уделено обоснованию тезиса, что в последние десятилетия XX в., и особенно в начале нового тысячелетия, у части западного интеллектуального истеблишмента и политической элиты стало проявляться стремление к абсолютизации ценностей либерализма и политической демократии, которые рассматриваются как истина в последней инстанции, пригодная для всех народов современного мира. В результате в новом либертариистском понимании демократии верх взяли идеологизированные, радикальные варианты трактовки прав и свобод человека. Они получили наиболее законченное выражение во внешнеполитической стратегии так называемой демократической революции Запада во главе с США. Значительное место уделено анализу результатов этой стратегии с точки зрения положения и перспектив западной модели демократии в других регионах современного мира. Показано, что, несмотря на принятие некоторыми из этих стран тех или иных ее идей и институтов, подавляющее их большинство не способны принять и освоить демократию, т.к. перед ними стоят иные приоритеты и цели решения жизненно важных социальных и экономических проблем, которые не под силу абстрактно понимаемой демократии с ее правами и свободами человека.

Ключевые слова: Запад, демократия, «новая демократия», либерализм, либертариизм, права человека, свобода, политика, государство, власть, экспорт демократической революции

Демократия, равно как и лежащий в ее основе либерализм, по историческим меркам сравнительно молодая форма политической самоорганизации народов, которой всего лишь полтора-два столетия. Она вместе с либерализмом возникла у сравнительно узкой группы народов евро-атлантического мира и продемонстрировала свою эффективность именно у этой группы народов в специфических условиях их господства над остальной ойкуменой. В этом смысле демократию можно рассматривать как феномен, возникший на определенном этапе исторического развития западного человечества, и, соответственно, она также носит преходящий характер, впрочем, как и множество других феноменов, казавшихся вечными, но исчезнувшими в густом тумане истории. Верно говорили древние римляне: *omnia orta cadunt*, т.е. все тварное подвержено упадку и исчезновению.

Возникает вопрос о том, вправе ли мы согласиться с тезисом, что демократии западного типа в ее нынешней модификации нет и не может быть альтернативы, что для будущего современного мира она является единственной, наилучшей из всех возможных форм государственного устройства. Можно ли безоговорочно согласиться с такой постановкой вопроса, тем более что с начала XXI в. на Западе наблюдается все более четко проявляющаяся тенденция к критике наследия Просвещения и переоценке самой природы и перспектив демократии в современном мире?

Исторический экскурс

Обращает на себя внимание тот факт, что многие мыслители прошлого предупреждали о недостатках демократии и таящихся в ней угрозах. Примечательно,

что Платон считал демократию самой коррумпированной после тирании формой правления. Аристотель называл демократию самой низшей из всех законных форм правления, в наибольшей степени склонной перерождаться в тиранию.

Демократия в ее современной западной ипостаси основывается на ценностях, идеях, установках, сформулированных отцами-основателями либерализма Дж. Локком, Ш.-Л. Монтескье, Т. Джефферсоном и др. Их суть – верховенство права над властью, естественные и неотъемлемые права и свободы человека, равенство всех перед законом, разделение власти на три самостоятельные, но теснейшим образом связанные друг с другом ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную и др. Однако сами отцы-основатели либерализма, насколько мне известно, почти не говорят о такой взаимосвязи. К примеру, Дж. Локк лишь три раза мимоходом использует этот термин только в одной своей работе – «Два трактата о правлении» [Локк 1988: 193, 337, 338].

С точки зрения конкретизации данного термина наибольший интерес представляет следующий пассаж из названного труда: «Под государством я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, но любое независимое сообщество [*any independent community*], которое латиняне обозначили словом “*civitas*”» [Локк 1988: 338]. Ш.-Л. Монтескье в своем трактате «О духе законов» (1748) посвятил этой теме главу III «О принципах демократии» в книге третьей объемом около 2 страниц [Монтескье 1999: 27-29]. Но в ней мало что говорится о природе и системных характеристиках самой демократии, а главное внимание концентрируется на ее недостатках по сравнению с другими формами государственного устройства. Продолжая данную традицию, И. В. Гете писал: «Ничто так не отталкивает, как большинство, ибо оно состоит из кучки сильных лидеров, из плутов, которые приспособляются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая движется за ними, не имея ни малейшего представления о том, чего она хочет».

Весьма скептически и даже негативно эту форму политической самоорганизации народа оценивали отцы-основатели, политические деятели США периода их формирования и институционализации. «Помните, – говорил старший сын одного из отцов-основателей, второго президента США Дж. Адамса, шестой президент США Дж.К. Адамс, – демократия никогда не длится долго, – она быстро опустошает, изнуряет и уничтожает себя. Не было еще ни одной демократии, которая не совершила бы самоубийство». Ему вторил не кто иной, как сам Т. Джефферсон, этот демократ с большой буквы, другой, еще более известный, чем Дж. Адамс, отец-основатель и третий президент США: «Демократия – это не что иное, как власть толпы, когда 51 процент людей может отобрать права у остальных 49 процентов». С Джефферсоном соглашался еще один отец-основатель и четвертый президент США Дж. Мэдисон: «Демократия – это самая отвратительная форма правления»¹. По его мнению, «демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали очень недолго и кончали насильственной смертью» [Федералист... 1993: 83]. Чуть ли не повторяя Платона, один из политических деятелей того времени Дж. Кэбот называл демократию «правлением наихудших» [Wilentz 2005: xvii].

Очевидно, что отцы-основатели считали демократию продуктом вырождения республики, они ее опасались и ненавидели, видя в ней предпосылку диктатуры. Можно согласиться с Р. Кетчемом, по мнению которого в XVIII в. «демократия была грозным словом почти для всех: оно означало беспорядок,

¹ Buchanan P.J. 2010. Democracy, another God That Failed. – *The American Conservative*. January 8.

насилие, нестабильность, охлократию и кровавую революцию» [Ketcham 1957: 100]. Поэтому естественно, что отцы-основатели предпочитали называть созданную ими форму государственного устройства республикой. «Мы все, — объяснял Джефферсон, — республиканцы, мы все — федералисты»¹. Как утверждал Дж. Мэдисон, в республике общественные взгляды «возвышеннее и шире, ибо просеиваются отборным органом, состоящим из граждан, чья мудрость позволяет наилучшим образом определить интересы страны, а любовь к отчизне и справедливости с наибольшей вероятностью не допустит принести их в жертву сиюминутным и своекорыстным соображениям» [Федералист... 1993: 84].

Тем не менее ценности, принципы, установки демократии вытекают из самого духа либерализма, Декларации независимости США и Билля о правах, представляющих собой 10 поправок к Конституции США, где легитимированы основные права и свободы человека, без которых демократию невозможно представить. Показательно, что отцы-основатели при каждом удобном случае считали должным заявлять, что при любом нарушении государством прав, которыми от природы наделен человек, «народ вправе изменить его». Сплошь и рядом использовались выражения вроде: «Мы, представители Соединенных Штатов Америки, ...именем и властью доброго народа наших колоний торжественно и во всеуслышание объявляем...» (Декларация независимости США); «Мы, народ Соединенных Штатов...» (слова, с которых начинается текст Конституции США) и др. Сам первый президент этой страны Дж. Вашингтон в своей первой инаугурационной речи 30 апреля 1789 г. заявил о чести возглавить «правительство, учрежденное... самим народом...»². В том же духе говорили о народе последующие президенты, прежде всего, разумеется, автор Декларации независимости Т. Джефферсон, которого поздние его почитатели называли демократом с большой буквы.

При этом показательно, что в период президентства Дж. Вашингтона сформировалась первая партийная система США, состоящая из Федералистской партии (*Federalist Party*), созданной министром финансов в кабинете Вашингтона А. Гамильтоном, и Демократическо-республиканской партии (*Democratic-Republican Party*), созданной в 1792 г. Т. Джефферсоном и его соратником Дж. Мэдисоном. Следующим важным шагом в укреплении демократических сил в США стало образование в январе 1828 г. существующей доньяне Демократической партии во главе с генералом Дж. Джексоном из Флориды, который на ноябрьских президентских выборах того же года одержал победу и стал президентом США. Пожалуй, первым президентом США, высказавшим похвальное слово демократии, возможно, стал А. Линкольн, который говорил: «Демократия — это правление народа, избранное народом и для народа». Тем самым он, по сути дела, вольно или невольно суммировал позиции своих предшественников, назвал власть, исходящую от народа, демократией.

Возможно, одной из первых крупных работ, специально посвященных данной теме, стала получившая широкую популярность и переведенная на многие языки книга известного французского политического деятеля и ученого XIX в. А. де Токвиля «Демократия в Америке». В ней автор, в частности, предупреждал о таящихся в демократии опасностях для свободы, возможностях «тирании большинства», которая может быть не менее, если не более жестокой, чем тирания немногих или одного. «Наших современников, — писал он, — постоянно преследуют два враждующих между собой чувства: они испытывают необ-

¹ Инаугурационные речи президентов США. М.: Стратегия. С. 56.

² Там же. С. 39.

ходимость в том, чтобы ими руководили, и одновременно желание остаться свободными. Будучи не в состоянии побороть ни один из этих противоречивых инстинктов, граждане пытаются удовлетворить их оба сразу. Они хотели бы иметь власть единую, охранительную и всемогущую, но избранную ими самими... Каждый отдельный гражданин согласен быть прикованным к цепи, если он видит, что конец этой цепи находится в руках не одного человека и даже не целого класса, а всего народа» [Токвиль 1992: 497].

В этой связи уместно напомнить, что формирование и институционализация политической демократии на самом Западе заняли полтора-два столетия. В этом плане США также не являются исключением. Как пишет профессор Принстонского университета Ш. Вилентц, «американская демократия не взошла подобно солнцу в назначенный природой час истории. Ее подъем, зачастую сопровождавшийся трудностями, стал исходом человеческих конфликтов, приспособлений и непредвиденных событий, а те результаты, которые мы имеем, могли бы быть совершенно иными» [Wilentz 2005: xvii]. В Италии и Германии демократия окончательно утвердилась только после Второй мировой войны, а в трех южноевропейских странах — Греции, Португалии и Испании — с середины 70-х гг. прошлого века. В Восточной же Европе дорогу демократизации открыли так называемые бархатные революции конца 1980-х гг. и распад СССР. Причем здесь базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных формах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона.

Метаморфозы демократических ценностей

Возможно, человечество еще не изобрело более эффективную, чем демократия, и вместе с тем более соответствующую интересам большинства людей и одновременно духу прав и свобод человека форму политической самоорганизации народов. В то же время нельзя вывести за скобки и позиции тех великих мыслителей, а за ними и тех ученых, политических и государственных деятелей, которые предупреждали о присущих этой форме политической самоорганизации народов недостатках.

Обоснованность данного тезиса подтверждается теми метаморфозами, которые демократия претерпевает в условиях глобализации и информационно-телекоммуникационной революции, самого либерального/однополярного миропорядка. Речь идет, по большому счету, о ее постепенной эрозии и своеобразной мутации изнутри в результате неуклонной либертаризации и радикализации, чрезмерного заземления основополагающих ее идей, ценностей, принципов, установок.

Как считает, например, известный американский аналитик Ф. Закариа, которого никак не возможно упрекнуть в антипатиях к политической системе США, ее проблема состоит в «глубокой разбалансированности... больше демократии, но меньше свободы». Возражая известному американскому философу Дж. Дьюи, который еще в 1927 г. утверждал, что «лекарство от болезней демократии — это больше демократии», Закариа писал: «Сегодня нам в политике нужно не больше, а меньше демократии» [Zakaria 2003: 240, 248]. Выход из создавшейся ситуации он видит в нейтрализации неумеренной «демократизации демократии», или «чрезмерной демократии» (*deMOREcracy*) [Закариа 2004]. Закариа предупреждает, что «эта тайная раковая опухоль продолжает расти, разрушая систему» [Zakaria 2011]. В таком же духе о положении в западной демократии в целом рассуждает итальянский политолог Н. Боббио, по мнению которого «ничто не подвергает демократию такому риску, как избыток демократии» [Bobbio 1985: 13].

Здесь весьма к месту вопрос, поставленный известным американским политическим деятелем и аналитиком Дж. Бьюкененом: «Как могло получиться, что либеральная демократия – великий американский экспортный продукт и будущее Запада, если не всего человечества – в наши дни становится конфессией, теряющей своих приверженцев?»¹

В этом контексте нельзя не обратить внимание на тенденцию к инверсии такой ключевой составляющей либерализма, как идея взаимосвязи рыночной экономики и политической демократии, о которой уже говорилось выше. При создавшемся в наши дни положении вещей возникла необходимость определенной ее корректировки, если не полной переоценки. Суть такой переоценки состоит в осознании того очевидного факта, что либерализм и рыночная экономика – необходимые, но не достаточные условия демократии, поскольку в условиях тех сдвигов, которые происходят в современном мире, наблюдается тенденция к эрозии этой взаимосвязи.

Неудача квазиреформ М.С. Горбачева и одновременный успех экономических преобразований в ряде стран Восточной и Южной Азии, особенно в Китае, со всей очевидностью свидетельствуют о необоснованности тезиса, согласно которому утверждение рыночной экономики предполагает в качестве своего предварительного условия политическую демократию и наоборот. На первый взгляд, парадокс состоит в том, что в последние десятилетия наиболее успешным переход к рыночной экономике был в странах с авторитарными режимами. Иначе говоря, ставя понятия «рынок» и «демократия» рядом друг с другом, забывают о том, что рынок и демократия не обязательно идут рука об руку.

Более того, в этом вопросе с некоторыми оговорками можно согласиться с французским экономистом, писателем и политическим деятелем Ж. Аттали, который утверждал, что между рыночной экономикой и политической демократией существуют непримиримые противоречия. Когда две концепции находятся в таком противоречии друг с другом, одна из них рано или поздно одерживает верх. Создается впечатление, что в масштабах всего мира рыночная экономика проявляет большую, чем политическая демократия, динамичность и напористость. Именно ее поддерживают могущественные силы. Сумасшедшие поиски денег для выборов, распространение коррупции, рост криминальной экономики и т.д. являются признаками того, что рыночная экономика одерживает победу над демократической этикой. Могущественные меньшинства, стремящиеся использовать все преимущества рыночной экономики, при определенных условиях могут захотеть установить полный контроль над ресурсами. В результате «рыночная экономика будет править всеми сферами общественной жизни – от полицейской защиты, правосудия, образования и здравоохранения до самого воздуха, которым мы дышим, пролагая путь окончательной победе прав “корпоративной” экономики над индивидуальными правами человека» [Attali 1997: 61].

В целом соглашаясь с такой постановкой вопроса, важно подчеркнуть, что приверженцы либерализма отдают приоритет правам и свободам отдельно взятого человека, выводя как бы за скобки коллективные права разного рода национальных, культурных, языковых, конфессиональных и иных меньшинств. Однако, как свидетельствует исторический опыт и реалии современного мира, в многонациональных государствах, да и на наднациональном уровне, эти два типа теснейшим образом связаны друг с другом, дополняют друг друга, и их невозможно представить друг без друга. Это большая и сложная тема, требу-

¹ Бьюкенен П. Либеральная демократия – исчезающий вид? Доступ: http://militariorg.ucoz.ru/publ/publ_1/liberalnaja_demokratija_ischezajushhij_vid/15-1-0-69204 (проверено 16.09.2018).

ющая самостоятельного исследования. Здесь отметим лишь тот очевидный факт, что права и свободы представителя того или иного меньшинства останутся лишь недостижимым идеалом, если данное меньшинство лишено права на выбор собственного пути развития своей культуры, языка, форм политической самоорганизации, образа жизни и т.д. Поскольку народ есть не некая арифметическая сумма всего множества отдельно взятых, атомистически понимаемых индивидов, а органическая совокупность множества социокультурных, этнических, конфессиональных, соседских и иных общностей, то демократию как власть большинства народа невозможно представить без этих последних. Многими исследованиями установлено, что гетерогенность общества, выражающаяся в существовании множества этнических, конфессиональных, родовых, клиентelistских и иных группировок, общностей и связей, не обязательно может стать фактором, препятствующим принятию и утверждению демократических принципов. Их особенности вполне могут быть интегрированы в систему политических ценностей, ориентаций и норм, единую модель политической культуры, имеющей, естественно, свои особые субкультуры.

В этой связи интересной представляется позиция тех авторов, по мнению которых «Япония — это открытое общество весьма закрытых групп». Установлено, что здесь политическая макроструктура в виде парламентской демократии, конституционализма, правового государства, многопартийности и других атрибутов классической демократии создана при сохранении групповых, коллективистских, солидаристских начал. Очевидно, что из этих реалий вытекает вывод, что демократия совместима с коллективными правами, более того, в современном мире без их гарантии для многих народов с органической социокультурной системой и политической культурой она неприемлема.

Однако абсолютизация всего комплекса либеральных ценностей, прежде всего индивидуальных прав и свобод человека, которые стали рассматривать в качестве истины в последней инстанции, пригодной для всех без исключения народов современного мира, постепенно привела к своеобразной мутации их первоначальных характеристик, содержания и предназначения. Они приобрели признаки и очертания своего рода идеологии или системы религиозного культа. Во имя превратно понятых прав и свобод человека всячески поощряются эгоистические порывы людей, освобождение от сдерживающих человека уз традиции, духовных преград, дисциплинирующих личность, Иначе говоря, приоритет отдается политике демонтажа всех возможных табу, насаждения беспредельной толерантности, зачастую выражаемой термином «политкорректность» и ставшей ключевой составляющей демократического мессианизма.

Парадоксальным образом толерантность, которая многими мыслится как интегральная часть мифологии прав и свобод человека, претерпевает своеобразную инверсию. Во все возрастающей степени высвечивается ее обратная сторона, а именно нигилизм в оценке всего того, что не соответствует западным ценностям и стандартам, неприятие ценностей и культур незападных народов, осмеивание их верований в духе скандально известного французского журнала *Charlie Hebdo*, разного рода карикатурами оскорбляющего их богов, пророков, героев и мучеников. Тем самым имеет место переход на путь бескомпромиссной борьбы против ценностно-исповедных систем соответствующих народов, сочетающейся с агрессивным навязыванием им собственных ценностей. Эти тенденции, возможно, представляют для стабильности в мире и для его перспектив не меньшую опасность, чем исламистские экстремистские движения, поскольку речь идет о вторжении в ценностные системы, что подогревает расовую и религиозную ненависть.

По сути дела, под лозунгом защиты этих ценностей защищаются культ или идеология демократии и прав человека, но не сами демократия, права и свободы человека. Предпринимаются попытки формирования своего рода «всемирного рынка демократии». Можно даже утверждать, что открыта своеобразная ярмарка демократических ценностей, прав и свобод человека, где уровень приверженности этим последним измеряется в зависимости от того, насколько послушно тот или иной народ выполняет волю сильных. На этой ярмарке действуют согласно принципу: право на интерпретацию принадлежит тому, у кого в руках власть, а власть принадлежит тому, кому позволено интерпретировать. США в некотором роде взяли на себя роль и функции Деминтерна (по аналогии с Коминтерном) XXI в., призванного руководить делом экспорта демократической революции во все уголки земного шара и возложить на себя бремя по ее реализации.

Перспективы политической демократии в незападном мире

Можно утверждать, что именно демократия открыла путь к власти нацистам в Германии в начале 30-х гг. прошлого века, поскольку, как не без оснований отмечал американский политолог Дж. Снайдер, «расистский национализм восторжествовал в Веймарской республике не вопреки, а благодаря демократизации политической жизни Германии» [Snyder 2000: 118]. Своеобразной иллюстрацией подобной тенденции стал приход в 2006 г. к власти в секторе Газа движения ХАМАС, за которое на демократически проведенных выборах проголосовало подавляющее большинство населения. В результате так называемых свободных демократических выборов к власти приходят те силы, которые именуются радикалами или экстремистами, и они на Западе не признаются легитимными. Получается так, что демократия приемлема лишь в тех случаях, когда она полностью совпадает со стратегическими и экономическими интересами западных стран, прежде всего США.

Те формы государственного устройства, которые утверждаются после разного рода «цветных революций», — это, как правило, либо разные вариации квазидемократии, для обозначения которых используются такие понятия, как «фасадная демократия», «ограниченная демократия», «управляемая демократия» и т.д., или же в худшем случае — самая что ни на есть диктатура. Более того, создается ситуация, когда результаты так называемых демократических выборов в западном понимании, как свидетельствует опыт целого ряда стран Ближнего Востока и Африки, могут оказаться вредными и даже губительными для общества и государства, поскольку сопряжены с хаосом, нестабильностью, межплеменными, внутристрановыми и трансграничными конфликтами и кровавыми гражданскими, религиозными и межгосударственными войнами. Или иначе говоря, она может стать угрозой основополагающим правам и свободам человека в их истинном, а не в либертариистском понимании.

Обоснованность данного тезиса подтверждается тем, что прослеживается некая закономерность: чем жестче государственная власть, тем больше вероятность того, что ее крушение чревато анархией и хаосом, проповедуемыми и поддерживаемыми под лозунгами демократии и свободы. И наоборот, чем шире и разнuzданнее демократия, защищаемая под лозунгами прав и свобод человека, противопоставляемая авторитаризму, тем больше вероятность установления жесткой авторитарной власти.

Обращает на себя внимание также тот факт, что парадоксальным, на первый взгляд, образом одновременно с увеличением числа государств, как будто вставших на рельсы демократического развития, возросло также число тех стран, в которых все более возрастающим влиянием пользуются различные формы

радикализма, политизированного этнического национализма, межэтнических, конфессиональных и иных фобий и т.д. При таком положении вещей те или иные регионы и народы могут оказаться в ситуации, при которой для уравнивания издержек искусственно навязываемой демократии возникнет спрос на диктаторов вроде повешенного по указке американцев Саддама Хусейна.

В этом вопросе можно согласиться с французским аналитиком А. Дель Валлем, по мнению которого «арабская весна показала, что демократы-исламисты рассматривают выборы и демократию как простые инструменты для утверждения реакционного обскурантизма шариата, который представляет собой полную противоположность либеральной концепции». В обоснование данного тезиса Дель Валль приводит пример Египта, где «после “прекрасной” арабской весны 78% населения без какого бы то ни было принуждения проголосовали не за либерально-демократическую модель Фукуямы, а за “исламо-демократические” партии, которые выступали за введение шариата, ограничение свободы вероисповедания, преследование атеистов и сторонников светского общества». Доказательством провала этой модели, справедливо отмечает он, стал государственный переворот в Египте генерала Абдул-Фаттаха Халила ас-Сиси, «который ознаменовал собой заслон на пути распространения радикального исламизма и возвращение относительно светской общественной системы антидемократическими средствами»¹.

Особую категорию в рассматриваемом ряду составляют полудемократические, даже лжедемократические режимы, установившиеся во многих странах Африки и Азии. Часть из них – это так называемые новые и нелиберальные демократии, представляющие собой особые разновидности гибридизации, основанные на сочетании демократических институтов, норм и ценностей, принятие которых носит чисто формальный характер, с преобладанием авторитарных методов и механизмов правления. Многие из таких «демократий» не застрахованы от опасности того, что первоначальные восторги по поводу обретенной свободы могут обернуться разочарованием и неприятием демократии широкими слоями населения.

Важно учесть тот очевидный факт, что целый ряд стран и народов Азии и Африки продемонстрировали свою неготовность к принятию демократии и ее ценностей во всех их формах и проявлениях. Во многих из них механическое заимствование западных образцов государственности оборачивается неудачей и приводит к непредсказуемым негативным последствиям.

Суть проблемы заключается в том, что во многих регионах Африки и Азии демократия не может утвердиться не потому, что их народы не подготовлены к ней и не хотят ее, что в принципе верно, а потому, что перед ними стоят такие проблемы, которые в соответствующих странах демократия сама по себе просто не способна решить. Народы этих стран в силу своих национально-культурных традиций, менталитета, социокультурной системы, политической культуры, образовательного уровня не способны адекватно понимать, принимать и освоить абстрактные теории и идеи о правах человека, политических свободах и т.д.

В действительности тунисцам, ливийцам, египтянам хочется не столько политической демократии, сколько экономического роста, достойной работы, материального достатка, благополучия, естественно, при социальной и политической стабильности. Нельзя сказать, что Арабская весна, так называемые цветные революции дали им эти блага. Вернее было бы утверждение, что «революции» ввергли эти страны в пучину социальных, экономических, политиче-

¹ Так ждаль ли нам конца истории? Доступ: <http://inosmi.ru/world/20140615/221004010.html> (проверено 16.09.2018).

ских пертурбаций. При таком положении сама идея демократии в глазах широких слоев населения оказалась дискредитированной. Естественно, чем дольше будет продолжаться такое положение вещей, тем большая часть граждан отвернется от идеалов «весны», «цветных революций», экспортируемых вариантов «демократического рая» и т.д., тем быстрее власть окажется не у тех, кто выходил на площади и требовал изменений, а у каких-нибудь иных организованных групп властолюбцев, которые могут оказаться похуже свергнутых тиранов.

В этом смысле великая заслуга руководства КНР, которое подавило попытки организации китайского варианта майдана на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г., состоит в том, что ему удалось за весьма короткое время вывести из состояния вечной нужды и нищеты сотни миллионов людей. Об этом красноречиво писал орган Коммунистической партии Китая «Жэньминь Жибао»: «Мы осуществили самое важное право человека, мы кормим 1,3 млрд наших граждан». Здесь можно согласиться с Э. Фоллатом, по мнению которого никогда в истории не удавалось буквально за три десятилетия после экономической реформы (Дэн Сяопина) освободить народ от абсолютной нищеты и создать для него достойные человека условия существования [Фоллат 2008].

Как представляется, было бы преждевременным утверждать, что незападные страны уже окончательно определились со своими социальными, экономическими, политическими и иными приоритетами, что уже завершились процессы политической самоорганизации, особенно относительно формирования и принятия большинством населения принципов, ценностей и институтов демократии, формирования гражданского общества и правового государства в западном их понимании. Здесь нельзя забывать тот факт, что в переводе с древнегреческого слово «демократия» означает «власть народа». Поскольку в соответствии с идеей народного суверенитета власть коренится в воле народа, каждый народ по-своему понимает и реализует ценности, принципы, установки демократии.

Обнаружилось, что демократия, взятая сама по себе, без учета комплекса национально-исторических, социально-экономических социокультурных, политико-культурных и иных факторов, не является решением проблем. Она может лишь предоставить шанс на решение тех или иных внутристрановых проблем. Очевидны относительность, временная и пространственная ограниченность парламентаризма, системы представительства, всеобщего избирательного права и других атрибутов демократии. Они не способны раз и навсегда разрешить все стоящие перед обществом проблемы. В сфере международных отношений она сопряжена с множеством издержек именно с точки зрения развязывания страстей, эмоций, враждебности и конфликтов.

Поэтому глобализация и информатизация важнейших сфер общественной жизни при всех возможных здесь оговорках не может означать политическую унификацию в масштабах всего мирового сообщества на основе рыночной экономики и западной модели политической демократии. Следует осознать ту простую истину, что невозможно строить либеральный или демократический рай в западном его понимании для семи миллиардов людей. Основные процессы и тенденции развития современного мира дают основание утверждать, что декларируемый глобальный демократически преобразованный мир представляет собой скорее виртуальный образ желаемого утопического, но никак не реально возможного мира. Как представляется, было бы заблуждением рассматривать демократию в ее западном исполнении как апогей развития человечества. Для того чтобы верить такому светло-голубому миру, сначала следовало бы осознать ту истину, что по историческим меркам демократия в современном (а не античном) ее понимании — сравнительно молодая форма политической самооргани-

зации народов и, соответственно, не прошла еще испытание историей. В этом смысле, используя терминологию великого Ч. Дарвина, можно утверждать, что ее нельзя считать видом, доказавшим свою способность выживать в борьбе за существование.

Мир радикально изменился или, во всяком случае, радикально меняется, порождая новые вызовы, требующие новых ответов. Поэтому, естественно, что как рынок, так и демократия, являющиеся ответом на вызовы иной, уже уходящей эпохи, нуждаются в соответствующих новым реалиям корректировках. Добившись грандиозных успехов на этой стезе, демократия в той форме, которую она на Западе приняла к настоящему времени, возможно, уже прошла пик своего развития и потеряла внутреннюю энтелехию, или жизненную энергию, необходимую для продолжения пути вперед и вверх. Та модель демократии, которую Запад стремится насадить в остальном мире даже силой, когда это необходимо, возможно, достигла своих пределов, состарилась, одряхлела, изжила свои творческие потенции, отживает свой век и теперь претерпевает мутацию.

С одной стороны, все еще сохраняются важнейшие внешние атрибуты либеральной демократии. С другой стороны, некоторые из них, такие, например, как права и свободы человека, оказались выхолощенными, приобрели признаки и очертания своего рода идеологии или системы религиозного культа. Возведенные в ранг неких абсолютов, будто определяющих весь строй жизни государства и общества, идеи такого рода выглядят в лучшем случае сверхидеологизированными конструктами, призванными обосновать определенную политическую стратегию, теряют первоначальный смысл и девальвируются. И это в условиях, когда в силу комплекса известных факторов моральный авторитет Запада в глазах остального мира по сути дела подорван и сами ценности демократии ставятся под сомнение.

Эти тенденции и процессы свидетельствуют о начале конца той эпохи, в которой демократия в западном понимании возникла и функционировала. Речь идет, по сути, о необходимости переоценки ценностей демократии, ее существенных характеристик, места и роли в современном стремительно меняющемся мире. В этом русле возникают сакраментальные вопросы: каковы ценности, идеалы, принципы, установки, которые выше демократии, прав и свобод человека и объединяют людей, народы в единые сообщества? Способна ли демократия эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей или на вопрос, поставленный Дж. Бьюкененом: «Что такое демократия — наше спасение или идеология самоубийства Запада?»¹ и др. В этом же духе выдержан вопрос Зб. Бжезинского, по мнению которого истинная проблема состоит в том, «могут ли демократии процветать, когда финансовые системы неуправляемы, способны обеспечивать эгоистично-благие плоды только для кучки избранных, когда нет эффективного механизма, который дал бы нам высокое, более дерзкое ощущение нашего предназначения?»²

Но все изложенные доводы и аргументы, показывающие очевидные недостатки политической демократии, отнюдь не означают отказ от ее базовых ценностей, идей, принципов, установок, институтов, которые по большому счету являются бесценным достижением прогресса западного человечества. Поэтому, как представляется, возникла необходимость защиты демократии от слишком рьяных демократов, а прав и свобод человека — от слишком рьяных

¹ Buchanan P.J. 2010. Democracy, another God That Failed. — *The American Conservative*. January 8.

² Brzezinski Z. 2012. Can Democracies Thrive with Financial Systems that Are out of Control? — *The Christian Science Monitor*. January 24.

их защитников, которые привели, по сути дела, к их радикализации, либертализации, абсолютизации и, в конечном счете, к заземлению, выхолащиванию.

Речь идет о кризисе, тем более закате, не демократии и либеральных ценностей как таковых в целом, а их конкретных форм, которые они приобрели в условиях, когда для них, метафорически говоря, наступили сумерки. Отдельные их аспекты так или иначе принимаются и осваиваются другими незападными народами, естественно, с учетом комплекса национально-исторических, социокультурных, конфессиональных, политико-культурных и иных особенностей каждого отдельно взятого народа.

Или, иначе говоря, поскольку, как уже отмечалось, рыночная экономика и политическая демократия являются историческими феноменами, возникшими на определенном этапе развития западного человечества, они имеют пределы своего восхождения и применимости, скорости и уровня институционализации и жизнеспособности. В условиях современного мира, в котором формируется новая парадигма миропонимания, ценностей, принципов, установок образа жизни народов, рынок и демократия нуждаются в серьезной переоценке и корректировке в соответствии с теми тектоническими сдвигами, которые происходят в глубинных пластах жизнеустройства всех без исключения народов на глобальном уровне. Необходимо искать пути совершенствования демократии посредством ограничения тех или иных ее ценностей, принципов, институтов, отношений и т.д., какими они стали в последние десятилетия. Чем больше демократии, тем больше общество нуждается в восстановлении отвергнутых или создании новых табу и принципов «золотого правила», или, иначе говоря, в государственных и иных внешних институтах, способных легитимно ограничивать как саму демократию, так и конкретно права и свободы человека.

Список литературы

Закариа Ф. 2004. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.: Ладомир. 330 с. Доступ: <http://politmos.ru/4795-buduschee-svobody-neliberalnaya-demokratiya-v-ssha-i-za-ih-predelami.html> (проверено 16.09.2018).

Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении. — *Сочинения*. В 3 т. М.: Мысль. Т. 3.

Монтескье Ш.Л. 1999. *О духе законов*. М.: Мысль. 674 с.

Токвиль А., де. 1992. *Демократия в Америке* (пер. с франц., предисл. Г.Дж. Ласки). М.: Прогресс. 554 с.

Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. 1993. М.: Прогресс. 570 с.

Фоллат Э. 2008. Демократия как тяжкий крест. — *Профиль*. № 21.

Attali J. 1997. The Crash of Western Civilization: The Limits of the Market and Democracy. — *Foreign Policy*. Summer. № 107. P. 54-64.

Bobbio N. 1985. *Il futuro della democrazia: Una difesa delle regole del gioco*. Torino: Einaudi.

Ketcham R. 1957. Notes on James Madison's Sources. — *Midwest Journal of Political Science*. No. 7.

Snyder J. 2000. *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict*. N.Y; L.: W.W. Norton & Co., Inc. 320 p.

Wilentz S. 2005. *The Rise of American Democracy: Jefferson to Lincoln*. N.Y., London.

Zakaria F. 2003. *The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y; L.: W.W. Norton & Co., Inc.

Zakaria F. 2011. Are America's Best Days Behind Us? — *Time*. March 3.

GADZHIEV Kamaludin Serazhudinovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor, Chief Researcher of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russia, 117997; k.zuhrabvi@gmail.com)

ON REASSESSING THE IDEAS AND VALUES OF POLITICAL DEMOCRACY

Abstract. The article attempts to identify and analyze some trends and processes of transformation of basic values, ideas, attitudes, principles of political democracy in the West in the context of globalization and the information and telecommunication revolution. Having traced historical roots, a complex and difficult path of its formation and institutionalization in a narrow group of Western countries, it is regarded as a great achievement on the path of progress of Western humanity. In the last decades of the 20th century and especially at the beginning of the new millennium, a part of the western intellectual establishment and political elite began to show a desire to absolutize the values of liberalism and political democracy, which are regarded as the truth in the last resort, suitable for all peoples in the modern world. As a result, in the new libertarian understanding of democracy, ideological, radical options for interpreting human rights and freedoms took precedence. They received their most complete expression in the foreign policy strategy of so-called democratic revolution in the West led by the United States. The author analyzes the results of this strategy in terms of the position and prospects of the western model of democracy in other regions of the modern world. It is shown that, despite the adoption of its ideas and institutions by some of these countries, the overwhelming majority of them are not able to accept and master democracy, because they have other priorities and goals for solving their vital social and economic problems, which are beyond the power of an abstractly understood democracy with its human rights and freedoms.

Keywords: West, democracy, new democracy, liberalism, libertarianism, human rights, freedom, politics, state, power, export of democratic revolution

КАМЕНСКАЯ Галина Валентиновна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора теории политики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (117997, Россия, г. Москва, Профсоюзная, 23; stp@imemo.ru)

«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ» СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Аннотация. В статье обосновывается идея принципиального различия между классической либеральной теорией и постклассическим либерализмом. Суть этого различия состоит в отказе от выделения полюсов сакрального и профанного, что влечет за собой фундаментальные последствия: отказ от идеи истории и проекта Модерна в целом, а также, в конечном счете, утрату либерализмом характера идеологии и способности выполнять ее функции.

Ключевые слова: идеология, Модерн, либерализм, теория справедливости, постклассический либерализм

Если аналитики, изучающие современную картину состояния общества во всех его измерениях — от уровня глобальных процессов и трансформации системы международных отношений до состояния базовых социальных институтов семьи, культуры, образования, — не принадлежат к одной школе, найти в их выводах точки соприкосновения бывает далеко не просто. Но когда такие точки все же есть, то чаще всего они сводятся к констатации неустойчивости и переходного характера сложившихся систем, норм и правил регулирова-